

**К 205 – летию победы России в Отечественной войне 1812 года, к
180 – летию создания стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино»**

**О некоторых специфических особенностях
лермонтовского историзма (опыт функциональной стилистики в
практике перевода стихотворения «Бородино» на иностранный язык)**

Келиму Амина (Биньхань, КНР)

Хворова Людмила Евгеньевна (Тамбов, Россия)

Статья посвящена не вполне рефлекслируемому в практике современного литературоведения и филологии в целом опыта исследования такого явления, как историзм. В частности, речь идет об историзме выдающегося отечественного классика, М.Ю. Лермонтова, чье творчество, к огромному сожалению, и поныне во многом изучается либо стереотипно, в рамках «советского социума», либо в полном методологическом вакууме, весьма характерном для постсоветского литературоведения.

Осмысливаются также возможности функциональной стилистики в практике переводов текстов произведений русской классики на иностранные языки как некой «промежуточной ступени».

Ключевые слова: историзм, стилизация, монолог, военная тема, средства художественной выразительности, русскость.

Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Бородино» написано в год 25-летия победы России в Отечественной войне 1812 года над армией Наполеона. Его пословный и «пофразовый» анализ предполагает обязательное принятие во внимание факта обращения М. Ю. Лермонтова к историческим событиям своей родины как яркого, своеобразного формирования оригинального лермонтовского историзма и русского литературного историзма вообще. Тут необходимо учесть и некоторые важные факты биографии поэта. Он сам служил в армии, был храбрым, мужественным офицером, любимым и почитаемым кавказцами, как и брат его бабушки, который был гвардейским артиллеристом. Артиллерию, как известно, называют «богом войны». В том числе и поэтому рассказ о великом сражении получился живым - точным и что самое главное – «детально-

обобщенным». Недаром Л.Н. Толстой позже называл это выдающееся произведение «зерном» к своей знаменитой эпопее «Война и мир».

По жанру «Бородино» сочетает народно – героический эпос с оттенками утонченной лиричности. Оно по – своему уникально, так как автор совершенно неповторимо воспроизводит в нем разговорную речь, облеченную в стихотворную форму. Другими словами, стиль стихотворения – повествовательный, народно – разговорный, назовем его так.

Почему поэт выбрал такой стиль? Разумеется, это тесно связано с идеей стихотворения: в нем рассказывается о бессмертном всеобщем, соборном подвиге, и раскрывается тема родины в понимании простого солдата, человека из народа. И с этой народной правдой солидарен и сам молодой, но в то же время уже очень зрелый Лермонтов. Эти достаточно ранние литературные опыты позволяют осознать, насколько уже тогда, в тот памятный 1837 год, он уже был многоплановым, сложившимся автором, создав практически одновременно очень разные, неповторимые шедевры - и «Смерть поэта», и «Бородино», и «Песню про купца Калашникова». Более того, в анализируемом нами случае им удачно стилизуется рассказ под незамысловатую речь простого солдата – непосредственного участника сражения.

В стихотворении использовано немало изобразительно - выразительных средств. На протяжении всего повествования дан диалог представителя старшего славного, легендарного поколения и совсем еще молодого человека. Создавая речевой образ солдата-рассказчика, поэт очень талантливо переплетает в этом произведении монологическую и диалогическую речь. В монологах широко используется просторечная лексика, что придает повествованию образно – выразительный оттенок, совершенно неповторимый народный колорит: «ушки на макушке», «тут как тут», «мусью», «что толку в этакой безделке».

Необходимо учесть, что солдат, рассуждая от первого лица, умело обобщает увиденное услышанное и пережитое, пропущенное через себя им *когда-то*. Прошло 25 лет, и память живо сохранила это, а значит оно дорого, свято и неприкосновенно. В произведении ярко обнаруживаются почти неуловимые переходы, словно бы «переливы» местоимений «я» - «мы»: «Забил заряд я в пушку туго», «Уж мы пойдем ломить стеною, уж постоим мы головою за родину свою», чем подчеркивается соборное единство русской нации в нужном месте (ключевое сражение на Бородинском поле) и в нужный момент (победный для России 1812 год). Другими словами, незамысловатая речь солдата - это обобщенная народная правда, и Лермонтов неповторимым образом представляет нам *стилизацию* речи подставного рассказчика, абсолютно отличного по социальной принадлежности от автора. Следует особо подчеркнуть, что *сказовый* опыт начинает активно обнаруживать себя уже в пушкинских произведениях, и русская проза начинает «демократизироваться» уже в тот самый «дворянский» период русской словесности (блистательный пример его повесть – «Станционный смотритель»). И происходит практически одновременно как оформление русского литературного языка, так и его, как мы сказали, «демократизация». Лермонтов же, как известно, был словесником, мастерски интерпретирующим в самом позитивном смысле именно пушкинское творчество, являясь со своим опытом «Бородина» неким «оформителем» закладывающейся на долгое время вперед как пушкинской традиции, так и своего, неповторимого места в «золотом» периоде русской литературной классики.

Гений русской словесности, коим мы называем здесь М.Ю. Лермонтова, представляет в этом выразительном эпическом полотне оригинальные портреты истинных героев святого сражения за отечество, прославившихся не только и не столько ратными подвигами (что с времен «легендарного «Слова о полку Игореве» было важным, но отнюдь не самым главным свойством глубинных основ русского характера), но прежде всего

благородным отношением к своим подчиненным в органичном синтезе со служением Отечеству. Именно в этом обнаруживает себя абсолютно уникальная лермонтовская находка, воспроизведенная «одной строкой»: «Слуга царю, отец солдатам». Всего в нескольких словах поэтом создается образ справедливого, благородного и великодушного полковника с ярким штрихом именно *«русскости»* характера. Он погиб на бранном поле, но оставил неизгладимые воспоминания о себе у простых солдат на долгие годы. Поэт подчеркивает отношение как к воинскому долгу, так и к простому солдату, и, что очень важно, преданность государю семантически акцентируя конкретное словосочетание *«слуга царю»*.

В описании сражения применены выразительные сравнения, олицетворения, гиперболы и другие яркие изобразительно-выразительные средства: «французы двинулись, как тучи»; «носились знамена, как тени», «картечь визжала», «и залпы тысячи орудий слились в протяжный вой» и т.д. Здесь налицо и гиперболически – заостренная жанровая сценка, призванная художественно выразить необъятный, поистине гигантский масштаб событий Бородинского сражения: «Рука бойцов колоть устала, // И ядрам пролетать мешала // Гора кровавых тел».

В поэме не раз повторяется слово «русский»: «русские штыки», «русский бой удалый, наш рукопашный бой»; слово «родина» в этом, конкретном случае, у Лермонтова (а мы знаем, что есть и другие интерпретации этого, чисто лермонтовского понятия), звучит как некий призыв к великой, поистине легендарной битве: «русский бой удалый», «наш рукопашный бой». Образ Москвы олицетворяет здесь словно бы всю страну. Этим особо подчёркивается отвага русской армии и ее, армии, преданность Отечеству.

Таким образом поэт не только утверждает мысль о народе как главной составляющей отечественной и всемирной истории, но и показывает как обнаружило себя народное самосознание в те уже достаточно далекие от

повествователей, но славные, почти легендарные времена в нужное время и в нужный момент.

Любопытно обратить внимание на структуру стихотворения. Рассказ солдата начинается и завершается практически одними и теми же словами, с некоторыми вариациями: «Да, были люди в наше время, // Могучее, лихое племя: // Богатыри – не вы. // Плохая им досталась доля: // Немногие вернулись с поля. // Когда б на то не божья воля, // Не отдали б Москвы!» Без сомнения, здесь заметно чисто лермонтовское, можно сказать, излюбленное противопоставление нынешнего и минувшего поколений, которое проявится еще ярче и в дальнейших, более поздних произведениях автора. Однако, самое важное, как представляется, здесь все же иное. Временная сдача Москвы врагу для России – крайне болезненный, но, тем не менее, вынужденный акт, который, как известно, дался и самому М.И. Кутузову, невероятно тяжело. Не лишен он был, однако, и чисто русской военной тактической, да и стратегической хитрости. Именно поэтому лейтмотив реминисценции Господней (Божьей) воли в начальных и последних строках крайне важен для поэта, воспитывающегося в русских духовных традициях, что бы о нем ни говорили критики разных времен.

Перевод лермонтовского шедевра на другие языки, в том числе и такие далекие, каким является язык китайский, вероятен, очевидно, разными способами. Нельзя исключать и возможности использования практики функциональной стилистики - перехода из одного стиля в другой.

Как уже говорилось, здесь дана стилизация под разговорную речь. Ее адекватное понимание для изучающих русский язык и русскую словесность как иностранную - момент крайне важный.

Ниже мы представляем возможный вариант такого рассказа.

«-- Расскажи, дядя, что не случайно Москва была отдана французам. Говорят, это сражение было очень ярким и смелым. До сих пор вся Россия хорошо помнит тот день Бородина.

-- Да, действительно, сегодняшнее поколение совсем не такое, как уходящее — смелое и могущее. Тяжелая им досталась судьба: с поля вернулись немногие. Не будь на то Господней воли - Москва не была бы сдана.

У нас была невероятная потребность воевать, о чем про себя старики тихо ворчали: “Что же нам делать? Уходить отсюда домой отдыхать? Почему русские командиры не приказывают начинать наступление?”

Наконец было найдено большое поле, где возможно провести успешный, удачный русский бой. Был построен редут. Наши солдаты находились настороже, давно готовые к бою. Ранним утром, когда наши пушки, как и мы, тоже были готовы, французы уже были здесь.

Все орудия были хорошо заряжены, и я подумал: пора “угостить” нашего старого «друга»: берегись, мсье француз! Не надо хитрить – за Родину мы постоим головою! (Мы за Родину готовы не щадить своих жизней и воевать сердцем!)

Два дня прошли даром в перестрелках, казалось, что в этих безделицах не было никакого смысла. Ждали три дня. Все просили огня. Но не дождались: на поле грозной сечи пришла ночь.

Я вздремнул у лафета. До рассвета было, однако, слышно, как веселились французы. А в нашем открытом биваке, наоборот, всё было тихо: тихо ругаясь, чистили оружие.

Только тогда, когда небо засветилось, начался большой шум. Мгновенно сверкнул строй за строем, храбрых лихих солдат. Наш смелый полковник, который был солдатам, как родной отец, а царю - слугой, погиб. Как жаль!

Сверкнув глазами, он крикнул: "Ребята! За нами Москва! Умрем же, как умирали когда-то наши братья и мы обещали умереть, давав клятву верности, которую сдержим в Бородинский бой»!

Да был очень тяжелый день. Тучи французов подошли к нашему реду! Уланы с пестрыми значками, драгуны на лошадях, все только мелькали перед нашими глазами.

Вам не видать таких сражений! Перед нами, как тени носились знамена, где-то в дыму блеснул огонь. Звучали булат и картечь, видно было, как сильно устали руки бойцов, горы кровавых тел мешала пролетать ядрам.

В тот день враг изведаль немало; он ощутил, что значит русский удалый, рукопашный бой. Земля тряслась, как будто наша общая грудь. Кони, люди смешались в кучу в один протяжный вой слились тысячи залпов наших орудий.

Когда стемнело, мы, тем не менее, все равно были готовы начать утром новый бой и стоять до конца. Когда барабаны забили, стало, однако, понятно, что бусурманы, отступили. Вот тогда мы стали считать раны и своих убитых товарищей.

Да, сегодняшнее поколение совсем не такое, как уходящее — смелое и могущее. Тяжелая им досталась судьба: с поля вернулись немногие. Не будь на то Божьей воли - Москва не была бы сдана».

Подробный анализ стихотворения «Бородино» М. Ю. Лермонтова с точки зрения стилистических особенностей, лексической семантики, структуры изобразительно - выразительных средств, образа повествователя, позволил глубже осмыслить идею произведения, охарактеризовать специфику лермонтовского историзма, обнаружить оттенки сказового типа повествования, который очень ценно заявил о себе в пушкинско-лермонтовский период становления отечественной классики.

Перевод с одного языка на другой вполне адекватен и может быть востребован, благодаря методике функциональной стилистики.